

Натали Фон
Рерих

Мертвая вода

Натали Фон Рерих

Мертвая вода

«Автор»

2026

Фон Рерих Н.

Мертвая вода / Н. Фон Рерих — «Автор», 2026

Следователь Виктор Савельев расследует серию убийств женщин, чьи тела находят в Ангаре. Все жертвы — одинокие женщины, все утонули, у всех следы верёвки на запястьях и странный круглый отпечаток на груди. Виктор выясняет, что все они были членами закрытого женского клуба «Круг», которым руководит харизматичная Вера Соколова. Вера убеждает женщин, что смерть через воду — это освобождение от боли, одиночества и страха. Двенадцать жертв за десять лет, и никто не связал их вместе. Виктор находит свидетельницу, бывшую участницу клуба, и получает доказательства. Он арестовывает Веру и успевает спасти тринадцатую — женщину, готовую добровольно уйти в воду. Повесть — о тёмной стороне веры, о том, как отчаяние делает людей податливыми, и о том, что выход — это не смерть, а жизнь, даже если она трудна.

© Фон Рерих Н., 2026

© Автор, 2026

Натали Фон Рерих

Мертвая вода

Мёртвая вода

Глава 1. Утопленница

Май выдался холодным. Даже для Сибири — холодным. Снег сошёл только к середине месяца, и земля ещё не успела прогреться, когда в реке нашли тело.

Я стоял на берегу Ангары, засунув руки в карманы куртки, и смотрел, как водолазы вытаскивают на носилках то, что когда-то было женщиной. Река в этом месте была мутной, тёмной — весенний паводок принёс ил и грязь. Тело пробыло в воде не меньше недели, и то, что от него осталось, мало походило на человека.

— Ну и воняет, — сказал молодой опер по фамилии Костин, стоявший рядом со мной. Он был новеньким, из областного управления, присланным нам в помощь. На его лице застыла гримаса отвращения. — Я думал, утопленники пахнут по-другому.

— Утопленники пахнут именно так, — ответил я. — Река, тина, разложение. Привыкай.

Меня зовут Виктор Савельев. Я старший следователь Следственного комитета по Иркутской области. Двадцать два года службы. Больше тысячи дел. Убийства, изнасилования, пропавшие без вести — всё, что может предложить этот мир, прошло через мои руки. Я давно перестал удивляться человеческой жестокости, но каждый раз, когда видел тело, что-то внутри сжималось.

Может быть, поэтому я до сих пор работал. Чтобы это «что-то» не умерло окончательно.

Водолазы положили носилки на гравий. Эксперт-криминалист, женщина лет пятидесяти с усталыми глазами, присела рядом. Её звали Лариса Пантелеева, и она работала в этой системе дольше меня.

— Женщина, — сказала она, не поднимая головы. — Возраст... сложно сказать. Тело сильно повреждено. Но по костям — лет тридцать пять, сорок. Может, меньше.

— Причина смерти?

— Механическая асфиксия. Утопление. Но это предварительно. Надо смотреть в морге.

Я кивнул. Костин топтался рядом, явно желая что-то спросить, но не решаясь.

— Что? — спросил я.

— Почему вы думаете, что это не несчастный случай?

Я посмотрел на тело. Руки женщины были вытянуты вдоль туловища, пальцы сжаты. На запястьях — тёмные полосы, которые могли быть следами верёвки.

— Потому что утопленники не связывают себя сами, — сказал я. — И ещё потому, что в прошлом году в этом же месте нашли ещё одну женщину. С такими же следами.

Костин побледнел.

— Серийный?

— Пока не знаю. Но узнаю.

Я отвернулся от реки и пошёл к машине. В голове уже выстраивался план. Первое: установить личность. Второе: найти всех, кто мог её знать. Третье: понять, что связывает её с прошлогодней жертвой.

И, возможно, с теми, кто пропал ещё раньше.

В морге было холодно. Свет ламп отражался от кафеля, создавая ощущение стерильности, которое никогда не было правдой. Запах формалина въедался в одежду, в волосы, оставался на коже даже после душа.

Лариса работала быстро и молча. Она была профессионалом, и ей не нужно было объяснять, что делать. Я стоял в стороне, смотрел и ждал.

— Вот, — сказала она через час, указывая на шею женщины. — Следы от верёвки. Прижизненные. Её связывали до того, как бросили в воду.

— Одна верёвка или несколько?

— Одна. Тонкая. Синтетика. Но следы... — она помолчала. — Следы странные. Верёвка была затянута не на шее. На груди. Как будто её привязывали к чему-то. Или к кому-то.

— К камню?

— Может быть. Но камень бы оставил другие следы. Тут другое.

Я подошёл ближе. На груди женщины, под левой ключицей, был странный отпечаток. Круглый, диаметром сантиметра три. Как будто что-то прижимали к коже. Долго. С силой.

— Что это?

— Не знаю. Похоже на ожог. Но не термический. Химический, может быть. Или... — Лариса замолчала.

— Или?

— Или это след от чего-то, что было прикреплено к её телу. Что-то, что убрали после смерти.

Я достал блокнот и записал. Это было важно. Я чувствовал это нутром — тем самым, которое двадцать лет назад привело меня в органы и которое никогда не ошибается.

— Ещё что-нибудь?

— В лёгких — вода. Речная. Она утонула. Но перед этим... — Лариса посмотрела на меня. — Перед этим она была без сознания. Возможно, ей дали что-то. Снотворное или наркотик. Токсикология покажет точнее.

— Когда?

— Через неделю. Может, две.

Я кивнул. Неделя-две. Значит, время есть. Но не так много, как хотелось бы.

— Личность установили?

— Нет. Отпечатков нет. Зубы... — Лариса покачала головой. — Слишком повреждены. Нужно искать по базе пропавших.

Я вышел из морга. На улице светило солнце, но тепла не было. Я достал телефон и набрал номер.

— Костин? Это Савельев. Подними базу пропавших за последние полгода. Женщины, тридцать-сорок лет. И ещё — найди мне дело по утопленнице, которую нашли в прошлом мае. Ту, что в Ангаре.

— Понял, — ответил Костин. — Сделаю.

Я положил трубку и посмотрел на небо. Птицы летели на север. Весна. Время, когда всё оживает.

Но кто-то в этом городе не хотел, чтобы женщины жили.

Глава 2. Первая жертва

Дело прошлого года лежало в архиве — тонкая папка, которую, судя по пыли, никто не открывал с момента закрытия. Я сидел в своём кабинете, пил остывший кофе и читал.

Женщину звали Ольга Кравцова. Тридцать восемь лет. Работала бухгалтером в строительной фирме. Жила одна, в квартире на улице Лермонтова. Пропала в апреле прошлого года. Тело нашли в мае — в Ангаре, в том же месте, где сейчас нашли вторую.

Причина смерти: утопление. Следы на запястьях: верёвка. След на груди: круглый отпечаток. Дело закрыли через три месяца — за недостаточностью улик.

Я откинулся на спинку стула. Два тела. Одна и та же река. Один и тот же способ. Один и тот же след на груди.

Это была серия.

Я открыл ноутбук и начал искать. Если убийца действовал в прошлом году, он мог действовать и раньше. Просто тела не находили. Или находили, но не связывали с этим делом.

Через два часа я нашёл ещё две жертвы.

Первая — Марина Гусева, тридцать пять лет, пропала в 2019 году. Тело нашли в Ангаре через месяц. Следы на запястьях. След на груди. Дело закрыли.

Вторая — Анна Соколова, сорок два года, пропала в 2020-м. Тело нашли в том же месте. Те же следы. Дело закрыли.

Четыре женщины. Четыре года. Одно и то же место. Один и тот же почерк.

Я вызвал Костина.

— Смотри, — сказал я, разложив на столе фотографии. — Кравцова. Гусева. Соколова. И теперь — неизвестная. Все женщины. Все пропали весной. Всех нашли в Ангаре. У всех следы от верёвки на запястьях и странный отпечаток на груди.

Костин смотрел на фотографии. Его лицо было серьёзным.

— Почему дела закрыли?

— Потому что не было улик. Ни свидетелей, ни отпечатков, ни мотива. Женщины жили одни. Никаких связей между ними. Разные районы, разные работы, разные круги общения. Следователи решили, что это несчастные случаи. Или самоубийства.

— Но это не самоубийства.

— Нет. Это убийства. И убийца всё ещё там.

Я встал и подошёл к окну. На улице шёл дождь. Мелкий, затяжной. Такой же, как в тот день, когда я нашел первую жертву двадцать лет назад.

— Что нам делать? — спросил Костин.

— Для начала — установить личность последней жертвы. Потом — найти связь между всеми четырьмя. Потом — найти убийцу.

— А если связи нет?

Я обернулся.

— Связь есть всегда. Просто мы её не видим. Пока.

База пропавших была огромной. Тысячи имён, тысячи лиц, тысячи историй. Я сидел перед монитором, листал страницы и чувствовал, как время утекает сквозь пальцы.

Костин работал рядом. Он был молодым, но не глупым. Иногда он задавал правильные вопросы — те, которые я сам не догадался задать.

— А если убийца — женщина? — спросил он вдруг.

— Почему ты так думаешь?

— След на груди. Круглый. Как от медальона. Или от кулона. Женщины носят кулоны. Мужчины — реже.

Я задумался. Это было логично. След мог быть от чего-то, что убийца прижимал к телу жертвы. Ритуальный жест. Или просто привычка.

— Проверь, — сказал я. — Всех женщин, которые были знакомы с жертвами. Подруги, коллеги, соседки. Может, кто-то из них носит кулон.

Костин кивнул и вернулся к работе.

Я продолжил листать базу. И через час наткнулся на знакомое лицо.

Женщина на фотографии смотрела прямо в камеру. Тёмные волосы, серые глаза, тонкие губы. Её звали Елена Воронова. Тридцать шесть лет. Пропала в марте этого года.

Я увеличил фотографию. На шее женщины был кулон. Круглый. Металлический.

Я почувствовал, как холод пробегает по спине.

— Костин, — позвал я. — Иди сюда.

Он подошёл. Посмотрел на экран.

— Это она? — спросил он.

— Не знаю. Но похожа. Нужно провести опознание.

— Родственники?

— Муж. Живёт в Иркутске. Адрес есть.

Я встал.

— Поехали.

Глава 3. Муж

Квартира Елены Вороновой находилась в старом доме на улице Марата. Дверь открыл мужчина лет сорока — высокий, худой, с усталыми глазами. Его звали Андрей Воронов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.